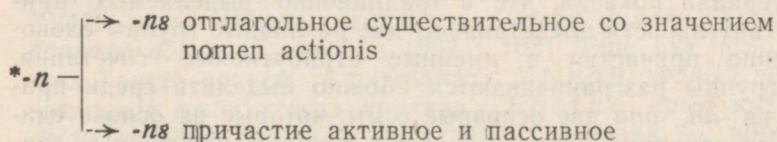


ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Тарту)

## СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЧАСТИИ С СУФФИКСАМИ *-an*, *-ana* В КОМИ ЯЗЫКЕ

0.1. В литературе при описании суффиксов *-an*, *-ana* и их функций используются два способа, отражающие разные теоретические и методические установки в финно-угроведении: а) как первичное принимается «глагольное имя» с различными функциями, которые описываются на основе синтаксического принципа (Wiedemann 1884 : 167—169; Емельянов 1927; Веке 1953; Stipa 1960; Fokos-Fuchs 1963); б) разграничиваются отглагольные существительные и инфинитивные глагольные формы (далее ИГФ) при формальном тождестве суффиксов с самостоятельными морфологическими статусами (Rätsep 1954; Серебренников 1963; Федюнева 1981; Kövesi 1965). Здесь в качестве исходной принята вторая точка зрения, на наш взгляд, наиболее адекватно отражающая языковое состояние в синхронии и диахронии. К тому же синтаксический принцип выявления грамматической природы образований (в атрибутивной роли причастие, в остальных субстантив) не универсален, так как формы с суффиксами *-em* и *-an* в примерах *Кучкõм шысьыс да Митинлõн арбстõмьсь нетшыштчис дадюлыс...* (Рочев 27) 'От звука удара и крика Митина оленья упряжка рванула...', *олан гаж* 'радость жизни' в функции атрибута являются не причастиями, а существительными. Поэтому допускаем, что уже к началу общепермского периода отглагольные имена с суффиксом *\*-n* дифференцировались на эксплицитно не выраженные причастия и имена:



Суффикс, имеющий единое происхождение и фонетическую огласовку и обслуживающий разные разряды словоформ, (по сообщению академика П. Аристэ) полисемантичен. Э. Веке полагает, что уже в древности суффикс был причастным; основываясь на функциональной стороне, он идентифицирует пермский суффикс с марийским суффиксом деепричастий *-en*, *-ən*, *-ən* (Веке 1953 : 338), в другой статье добавляет мордовский отглагольный именной суффикс *-ń* и мансийский причастный суффикс *-n* (Веке 1954 : 100—101). Уральский по происхождению суффикс является третьим по распространенности среди показателей ИГФ финно-угорских языков (Rätsep 1954 : 495).

0.2. В коми языке разграничиваются близкие причастные формы с суффиксами *-an* и *-ana*, последние считаются адъективированными (Буб-

рих 1949 : 133; Stipa 1960 : 68; Серебренников 1963 : 298). Несмотря на рациональное содержание этого положения все же нельзя констатировать полную адъективность этих форм, например, *и õní, sǝĩny wǝzǝjǝna tǝjǝdǝsǝjǝna gǝlǝssǝ kǝlǝmǝn, mǝdǝrǝ dǝmǝsǝtǝc* (Юхнин II 51) 'и теперь, слыша ее заботливый, предлагающий поесть голос, подумал обратное'. На это указывает и Д. В. Бубрих (1949 : 133). Считая причастия на *-an* первичными по происхождению, при описании значений рассматриваем их вместе на основе общности в семантике.

**0.3.** Цель статьи — дать краткий обзор основных сем, раскрывающих денотативное содержание формы. В грамматиках значение причастий раскрыто неполно, более подробно оно отражено в монографиях о диалектах. Наиболее детальное описание значений причастий и отглагольных имен дали Э. Беке (Beke 1953 : 327—337) и Д. Фокош-Фукс (Fokos-Fuchs 1963 : 77—81). Д. Фокош-Фукс выделяет следующие ряды значений: 1) *poimen agentis: ezjan šis* 'горящая свеча', 2) оборот с отглагольным именем, обозначающий а) место действия: *izan-kerka* 'мельница', б) момент действия: *vundan-pera* 'время уборки урожая', в) орудие действия: *bijǝšan iz* 'кремень', 3) *poimen actionis: orsan* 'игра', 4) *poimen acti: juktalan* 'напиток', 5) факитивное значение: *pedan višem* 'астма', 6) пассивное значение: *mojdan -kiv* 'сказка' (там же). Здесь бросается в глаза прежде всего большое разнообразие значений и зачастую смешение причастий с отглагольными существительными. Поэтому для дальнейшей систематизации материала необходимо выявить общий критерий для разграничения значимых классов причастий, а также установить эволюцию классов и определить реальные отношения причастий и отглагольных существительных в истории языка и современности. В качестве общего критерия разграничения используется логический субъектно-объектный принцип, основным методом является метод компонентного анализа. Дифференциация значений по семам имеет целью наиболее полно представить ту информацию, которую несет грамматическая форма. Под семой понимаем «минимальный на данном этапе исследования дискретный элемент категориального значения (или трамемы)» (Принципы 1976 : 300). Принцип денотативного описания возможен уже на основе выделения основных сем. Основной позицией анализа служит атрибутивное употребление причастия, значение определяется в связи с характеристикой определяемого слова.

Анализ материала показал, что в традиционно выделяемых причастиях в действительности представлены две различные группы словоформ: собственно причастия и именные атрибутивные сочетания. В статье эти группы разграничиваются. Можно выделить среди причастных форм на *-an, -ana* две основные семы, которые на основе единых структурных закономерностей передают в целом однотипные значения.

**1.1.** Первый тип. Активное агентивное значение. Схема: атрибут = причастие + определяемое слово = логический субъект: *удǝjǝlan mǝrt* 'работающий человек', *дзуртан пу* 'скрипучее дерево' (ПСД 154). Неизменно для этого типа то, что действие исходит от субъекта, причастие репрезентирует действие как признак деятельного объекта. Такое значение отмечается в литературе и устанавливается синонимика с причастиями на *-iš*: *велǝdǝchǝsǝ mǝrt* 'учащийся человек', *дзуртысь пу* 'скрипучее дерево'. В удмуртском языке соответствием будет активное значение причастий на *-no*: *та гурузё интые лыктоно экспедиция* 'экспедиция, которая должна прибыть в эту гористую местность' (ГСУЯ 265).

В финно-угорских языках ИГФ развились из древних глагольных имен, которые могли иметь недифференцированные функции. Это положение общепринято (Rätsep 1954 : 450). Характер значения глагольного имени зависел от переходности/непереходности глагольной основы и семантики определяемого слова (Бубрих 1948 : 58—59). В современном состоянии большинство активных форм на *-an*, *-ana* также образуется от основ первично непереходных глаголов: *Лоус, Прохор Петрович, — тірзян гёлёсөн бостчис Мишка* (Юхнин II 60) 'Стало, Прохор Петрович — дрожащим голосом стал говорить Мишка', *пöдан чери* 'гибнущая рыба', *визувтан ва* 'текущая вода'; от глагольных основ вторичной интранзитивности, оформленных залоговыми суффиксами *-ś*, *č*: *Синмё шыбитчана мичлуныс Анналён эз вöv* (Рочев 10) 'Бросающейся в глаза красоты у Анны не было', *пурсан пон* (ССД 55) 'злая, отгрызающаяся собака', *вэлэчан чэл'ад'д'ас* 'учащиеся дети' (ИД 100). Активное значение причастий на *-an*, *-ana* появляется и при образовании от основ транзитивных глаголов: *Бритём юр пьдöссö вевтис синтö ёран рөмъяса тьобетейка* (Юхнин I 14) 'Макушку бритой его головы покрыла тьобетейка с слепящими глаза цветами', *Серамыс петіс и Марпалён, но эз Миронлөн да Ильялөн кодь, петіс нор да Мишкаöс жалитана мамлөн серам* (Юхнин I 73) 'Смех вырвался и у Марфы, но не такой, как у Мирона и Ильи, а жалобный и жалеющий Мишку материн смех'; от основ вторичной транзитивности: *Сійо... аддзис серпасъяс аслаэ водзö олöмысь, пöрысьлунысь, и найö вöліны гажтöмөсь, повзёдланаöсь* (Юхнин II 144) 'Он видел картины своей будущей жизни, старости, и они были скучными, пугающими'. Часто трудно определить характер глагола, так как он бывает и переходным и непереходным, например сочетание *лыстан мөс* определяется активно 'дойная корова' (ПСД 154), но в принципе допустимо и пассивное значение 'доимая корова'. В рамках семы возможны прадации значений по денотативному принципу.

В связи с историческим изменением системы причастий важен вопрос о соотношении причастий на *-an* и *-іś*. Д. В. Бубрих говорит не о подлинной активности причастий на *-an*, *-ana*, например *дзоридзалан сад* 'цветущий сад' (1949 : 134). Анализируя употребление рассматриваемого типа значений по памятникам письменности, диалектным текстам и литературным произведениям, можно констатировать усиливающуюся тенденцию к сокращению активного употребления причастий. Активное значение причастий распространено в литературе XVIII века: *Нöшта кеммысям быдсөн нялөн Христос любитан воинъяс вöсна* (Кузнецова 1967 : 103) 'Еще раз помолимся за любящих Христа воинов'; в диалектах: *Мынан чериыд век ыджыд* 'Срывающаяся рыба всегда крупная', *Бостан кийд куз', ёзтан кийд джэн'ыд* 'Рука берущая — длинная, дающая — коротка' (ПД 143), *лöсалан гозйа* 'любящие друг друга супруги', *курчичан гут* 'кусающаяся муха', *ёдасана товaр* 'марки́й товар' (ВВД 114). Т. Н. Фролова в верхневымских говорах отмечает большую употребительность активных значений причастий на *-an*, чем причастий на *-іś*, например, *Ыслалан челядыслысь юо* 'Спроси у катающихся детей' (1950 : 242). В. А. Ляшев распространяет это положение на средневымские говоры и подтверждает, что такое употребление характерно для речи людей старшего возраста (1975 : 162—163). Явление присуще и остальным диалектам. Интересен тот факт, что в современном литературном языке сокращаются случаи, где денотатом, выраженным определяемым словом, является одушевленный предмет, человек или животное. В литературных текстах преобладают конструкции с денотатом — неодушевленным предметом или явлением, например, *Талун жö парикмахерлы*

*тшõкта шырны нывъясõс пõръялан устõ* (Дъяконов 101) 'Сегодня же прикажу парикмахеру сбрить обманывающие девушек усы', и лишь изредка определяемым словом является одушевленное лицо: *Тырмаснин, бырган Дарõ* (Юшков 8) 'Хватит уже, болтающая Дарья'. В современном языке обороты с одушевленным денотатом часты в пословицах и поговорках: *Пыран гõстьõс кõ он гõститõд, петантõ оннин* (КШК 103) 'Если не угостишь входящего гостя, то выходящего и подавно', *Синмõ пыран гут кодь* 'как муха, которая лезет в глаза' (КШК 173), *Пуалан ур кодь* 'как белка, перебегающая с дерева на дерево' (КРФС 103). Таким образом, у причастий на *-an, -ana* происходит утрата семантических характеристик глагола — конкретности и активности, все более они выступают в значении обобщенного, вне-временного действия. Основной причиной такого изменения является распространение причастий на *-iś*, которые, на наш взгляд, в древности имели основную функцию имени действующего лица и могли также употребляться как причастия. Теперь форма на *-iś* более активна, широко распространена в языке современной прозы. Такое соперничество двух форм прямо влияет на адъективацию причастий на *-an, -ana*.

Типологически сходное явление конкуренции двух причастных форм на *\*-p* и *\*-j* происходит в прибалтийско-финских языках, где глагольное имя на *\*-j* имело более широкую функцию *poimen agentis* (Rätsep 1954 : 466), теперь форма на *\*-ja* выступает как причастие настоящего времени в ливском, водском, карельском, эстонском языках (Tauli 1966 : 179). Функционально-грамматическим соответствием в системах причастий прибалтийско-финских языков, где сложилось четкое формально-грамматическое разделение причастных форм по залогово-временному принципу, агентивной семы причастий на *-an, -ana* соответствуют активные причастия настоящего времени с формантами *\*-ra/\*-rã*, в слабой степени *-v(a)/-v(ã)*, например, фин. *laulava* 'поющий', вепс. *palab* 'просящий', эст. *nägev* 'видящий' (Laanest 1982 : 248—249).

1.2. Второй тип. Пассивное значение. Схема: атрибут = причастие + определяемое слово = логический объект: *велõдан морт* 'обучаемый человек', *кõдзан сю* 'зерно, которое сеют' (СКЯ 242), *быдтан кукан* 'выращиваемый теленок', *солалан тшак* 'грибы, идущие для соления' (ПСД 155). Характерно для семы действие, обращенное на объект, выражаемый определяемым словом. Причастия образуются от переходных основ. Дж. Лайонз связывает переходность с противопоставлением одушевленных и неодушевленных имен, переходные глаголы в идеале имеют одушевленный субъект (1978 : 380). Данная закономерность характерна для пассивной семы: *Ассьым бур туйõ новлан юбкаõс да ковтаõс ковмис мамыдлы гортъяс пасьтõдны* (Юшков 155) 'Свои на праздник носимые юбку и кофту пришлось надеть на мать в гроб', *кõрталан йõй* 'умалишенный, что нужно связывать' (КРФС 61). Субъект действия независимо от формальной выраженности/невыраженности мыслится как живой. В употреблении пассивная сема намного уступает агентивной, что обусловлено, вероятно, ситуативным характером их использования: *Сьõкыда лэдзчысис пызан вылõ, дõман тюнисõ шыбитис, синъяссõ паськõдис* (Изъюров 4) 'Тяжело опустился на стол, отбросил подшиваемые валенки, широко раскрыл глаза', *Весиг мышнас пуксьывлõ увтан пуыслы* (Юхнин I 120) 'Даже спиной садится к облаиваемому дереву'. Чаше встречаются адъективированные причастия, не связанные с определенной ситуацией и выражающие обобщенное значение: *Радейтан уджсьыд он мудз* (КШК 64) 'От любимой работы не устанешь', *Коран гõстьлы чõдгя рок,*

кортом гостылы кыдъя рок 'Званому гостю каша с черникой, непрошенному гостю каша с высеvkами' (КШК 104). Удмуртским соответствием является пассивное значение причастия на *-но*: Иван Афанасьевичлэн кивалтоно районаз на сыче адымиос данак вуизы 'И в район, руководимый Иваном Афанасьевичем, прибыло много таких людей' (ГСUY 265). В прибалтийско-финских языках ему соответствуют пассивные причастия настоящего времени: фин. *nähtävä* 'видимый', кар. *juodava* 'такой, который пьют', эст. *loetav* 'читаемый' (Laanest 1982 : 249).

1.3. Представленные семы считаем исконными, собственно причастными в плане диахронии и в том смысле, что в системах причастий финно-угорских языков и языков других групп им закономерно соответствуют причастия. Применительно к этим типам можно дать характеристику форм настоящего времени. Категория времени причастий в языкознании спорна, но все же несомненно, что действие в причастиях связано с главным действием в предложении и отношениями темпоральности (Гнатюк 1982 : 19—20). Коми праграматики отрицают время у причастий на *-an, -ana* (СКЯ 242; КПЯ 222), Б. А. Серебренников классифицирует их как причастия настоящего времени, а причастия на *-iś* как недифференцированные во временном отношении (1963 : 297). Анализ материала, однако, показывает обратное: у причастий на *-iś* относительное настоящее время более выражено, как вообще у причастий действительного залога (Гнатюк 1982 : 20), а причастия на *-an, -ana* чаще представляют более длительное или обобщенное действие по сравнению с основным: *Дзуртан пу нэмсö дзуртö, а няргысь морт нэмсö няргö* (КШК 30) 'Скрипящее дерево всегда скрипит, а хнычущий человек всегда хнычет', *Сийö бурэтш вöли тшупан керка вылас* (Юхнин II 42) 'Он как раз был на доме, который строят, рубят'.

2. В именно-атрибутивных сочетаниях определяемое слово не объект и не субъект действия, просто детерминанта, например: *пуктысан керка* 'сенокосная избушка на пожне', *нылалан плат'т'ö* 'девичье платье' (ПД 43), *путикысан чöрс* 'веретено для сучения', *тöлийан кэрка* 'зимняя изба' (ВСД 134). Группа отчетливо выделяется среди остальных, хотя в литературе она смешивается с первым и особенно часто со вторым типами. Предлагаемый перевод относится не к определению, а ко всему сочетанию. Этот тип представляет большое разнообразие значений, которые часто пересекаются: 1) атрибутивное сочетание с общим значением предназначения предмета: *Сийö кыян кыскасян палич* (Юхнин I 93) 'В его руке палка для перетягивания', *Йöктан залö пыралім да йöктыштім* (Дьяконов 224) 'Заходили в танцевальный зал и плясали', *вурсан машина* 'швейная машинка', *бöжалан пельыс* 'кормовое весло' (ВВД 114); 2) близки к этому значения а) орудия или средства действия: *лысьтысян аппарат* 'доильный аппарат', *Верöсыс лэчтис ош кыян пуртсö и мöдис ыстыны вайöдны мөссö кук йöрысь* (Юхнин II 57) 'Муж наточил нож для охоты на медведя и стал посылать привести корову из отгороженного для пастьбы места'; б) места действия: *Мишка вöли куш дөрöм-гач кежсьыс, сулаліс скöт ветлан улича шöрын* (Юхнин I 22) 'Мишка был только в штанах и рубашке, стоял посреди улицы для хождения скота', *тотикысан мэстэ* 'место для забоя оленей' (ИД 100); в) времени действия: *А öні уськöд тöд вылад, мый тэ шулім школа помалан рытö* (Дьяконов 222) 'А теперь вспомни, что ты говорил в вечер окончания школы?', *Но йöз кывзысисны сöмын страда кежлö да сьтысян кадöдз* (Юхнин I 6) 'Но люди слушались лишь до времени подготовки к сенокосу'; 3) различные характеристики объектов по действию, выраженному определяющим словом, возможны

подзначения: *Пыралан удж меным вöчöны* (Юшков 129) 'Делают мне такую работу: заходить в дом', *вөр лэдзан план* 'план заготовки леса', *кылөдчан удж* 'работа по сплаву леса', *Менам зэв уна велөдчан ёртъяс* (Дьяконов 42) 'У меня много друзей по учебе' и т. д.

Такие сочетания отличаются от рассмотренных выше, что давало повод исследователям обособить их. А. И. Емельянов рассматривает их как простые определительные конструкции (1927 : 92—93). Д. В. Бубрих отмечает разницу между образованиями *олан лад* 'образ жизни' и остальными отглагольными прилагательными (1949 : 132—133). Б. А. Серебренников видит временную невыраженность сочетаний типа *vundar dyr* 'жатва', *yçkan dyr* 'время, когда косят сено', но объясняет это широким значением презенса, показателем которого, по его мнению, является элемент *a* (1963 : 297). Г. Штипа, ссылаясь на К. Виклунда, говорит о первоначально различных образованиях в словоформах на *-an* (Stipa 1960 : 66). Д. Фокош-Фукс подробно анализирует отглагольные имена с фактитивным значением *gut-kulan tşak* 'мухомор', *gižjašan-višem* 'чесотка' и приходит к выводу, что форма на *-an* здесь выступает как отглагольное имя не с недифференцированными функциями, а со значением *nominalis actionis* (Fokos-Fuchs 1963 : 85, 90—91). М. Кёвешти практически описывает подобные случаи в разделе «суффиксы глагольных имен» (Kövesi 1965 : 253—257).

Этот тип можно отделить от собственно причастных. 1. Семантический аспект: из приведенных примеров и переводов ясно видна субстантивность атрибута. 2. Синтаксический аспект: если причастия — активные и пассивные — имеют вторую основную функцию в предложении — функцию сказуемого: *Сöмын синъясыс торъяланаöсь, абу сэтшöмöсь, кутшöм мукöд-лөн* (Рочев 17) 'Только глаза отличающиеся, не такие, как у других', *Шуис öти во ветлыны көр видзсыськөд, пыдди пунктана джык сийö уджыс* (Рочев 12) 'Решил один год поработать с оленеводами, более уважаемая это работа', то у атрибутивного типа есть только основная функция — определения; трансформация сочетания *дасытысян кад* 'время подготовки' в предикативное невозможна, как и вообще именного атрибутивного сочетания. 3. Формальный аспект: наблюдениями установлены следующие закономерности. Суффиксом *-ana* имеют только причастия активного и пассивного значения, но не имена на *-an* в функции атрибута, случаи форм на *-ana* атрибутивных сочетаний можно объяснить аналогией, например *пукалана удж* 'сидячая работа'. Возможно, что здесь имя в атрибутивной позиции адъективировалось и сблизилось с причастными формами. В верхнесольском диалекте употребительны формы с наращением деминутивного суффикса *-ka*, который считается заимствованием из русского языка (Федюнева 1981 : 158): *вөраланка кад* 'сезон охоты', *уджаланка кышöд* 'рабочая одежда' (ВСД 134). Наращение *-ka* присоединяется только к именам, например *кыйанка* 'орудие лова птиц, зверей', *чапканка* 'бросовая вещь' (ВСД 75), и не присоединяется к собственно причастиям. Характерно, что в прибалтийско-финских языках, в частности в эстонском, сочетаниям третьего типа соответствуют сочетания отглагольного существительного на *-mine* с определяемым словом, например *виччысян кад* — *ootamise aeg* 'время ожидания'.

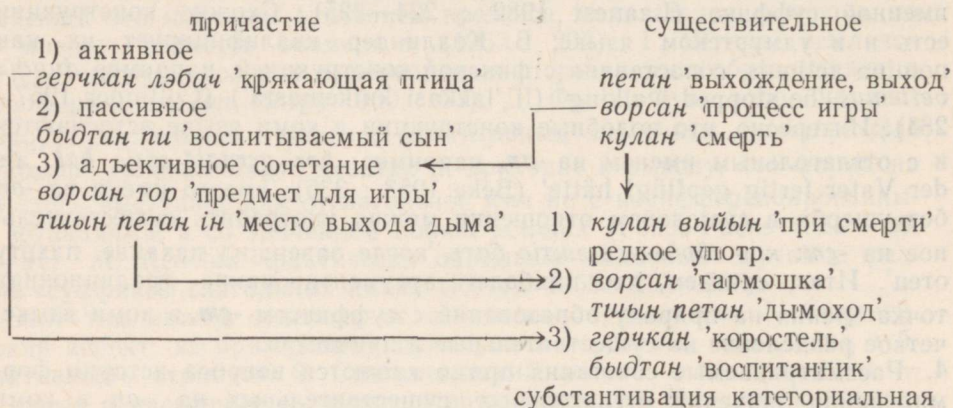
3. Широкое употребление глагольных имен на *-an* в атрибутивной функции подтверждает закономерность пермских языков — дифференциацию отглагольных существительных и ИГФ, так как ясно прослеживаются исторические изменения имен. Поэтому вызывают сомнения положения статьи В. М. Лудыковой (1984 : 173—176), в которой дана попытка представить на интересном материале существование инфи-

нитива на *-m* в коми языке. Нам кажется, что в несомненном и заслуживающем внимания формальном и синтаксическом сходстве коми и финских конструкций в действительности представлены морфологически разные категории. В коми языке мы имеем дело с отглагольным существительным на *-em* (как это до сих пор и считалось) со значением *poimen actionis* в предикативной функции, которому в финском языке соответствует не III, или *m*-овый, инфинитив прибалтийско-финских языков, а традиционно выделяемый в финских грамматиках IV инфинитив на *-minen*, *-minen*, который практически является, как пишет П. Аристэ, отглагольным существительным, склоняющимся по всем падежам (1953 : 305), А. Лаанест рассматривает формант как именной суффикс (Laanest 1982 : 224—225). Схожие конструкции есть и в удмуртском языке, Б. Коллиндер квалифицирует их как *poimna actionis*, сопоставляя с финской конструкцией, например *dugdiz vetlemyš 'he stopped walking'*-(fi 'lakkasi kulkemasta') (Collinder 1957 : 284). Интересно, что подобные конструкции в коми языке встречаются и с отглагольным именем на *-an*, например: *kor geraniš eštis bat 'als der Vater fertig gepflegt hätte'* (Beke 1953 : 336); вместо имени на *-an* без ущерба в смысловом отношении можно употребить существительное на *-em*: *kor gōrōmysь эштис бать 'когда завершил пахание, пахоту отец'*. Итак, считаем, что наиболее аргументированна традиционная точка зрения на природу образований с суффиксом *-em* в коми языке: четкое разделение на существительные и причастия.

4. Рассматриваемые сочетания прямо касаются вопроса истории формирования значений отглагольных существительных на *-an* в коми языке. Их значения обстоятельно описала Г. В. Федюнева (1981 : 114—123), но пути формирования разнородных групп значений ею не раскрыты. В удмуртской грамматике их именуют дусемантическими, обозначающими отвлеченное действие и предмет как орудие или объект, например *калтон 'ловля рыб бреднем' и 'бредень'*, *нэлыкон 'комкание, толчение' и 'пест, колотушка'* (ГСУЯ 113). Г. В. Федюнева объясняет возникновение конкретных значений сдвигом в сторону субстантивности (1981 : 116). Сложно толкует природу названий орудий Б. А. Серебренников (1982 : 85—86). Он пишет, что в одном суффиксе пермских отглагольных имен *-on*, *-an* якобы совпали два разных суффикса: древнего причастного и суффикса, идущего от показателя уральского опатива *-ne*, отсюда модальная окраска у причастий и названий орудий *сынан 'гребень' — 'то, чем можно чесать'*. Эти высказывания не дают ясной картины эволюции значений имен. На наш взгляд, большинство значений отглагольных имен на *-an* можно логично объяснить, если выявить отношения субстантивирования причастий и изменения значений глагольных имен на *-an* в атрибутивной позиции.

Известно, что имена на *-an* в значении имени действия в коми языке по сравнению с удмуртским теперь употребляются исключительно редко в именных функциях, в древности же они встречались гораздо шире, на что указывают и диалектные материалы с более частым употреблением имен (Федюнева 1981 : 116). В древнепермском языке они продуктивно образовывали абстрактные имена: *ни'малан 'слава'*, *каналан 'царствование'*, *вöйпан 'осуждение'* (Лыткин 1952 : 116). Уже в общепермский период существительные на\* *-nš* со значением *poimen actionis* широко употреблялись в функции определения, затем в речи, получив единое с определяемым словом значение, могли в определенных условиях употребляться без определяемого. Позже, вероятно, произошло изменение значения по модели: абстрактное значение *poimen actionis* → [атрибут в определительной конструкции] → кон-

клетчатая предметная семантика, например, история развития значений существительного *восътан* 'ключ' предполагается такой: *восътан* 'открытие' → *восътан тор* 'предмет, орудие для открытия' → *восътан* 'ключ'. На современном этапе существительные состоят из исторически сложившихся разных разрядов: а) остатков первичного значения имени действия, например, *висян* 'болезнь', *кулан* 'смерть'; б) субстантивов с вторично предметными значениями *кыбан* 'острога', *бурскан* 'ботало', *пывсян* 'баня'; в) субстантивированных причастий, например, от активных *борган* 'журчащий водопад', *чушкан* 'оса', *чавкан* 'галка', от пассивных *изан* 'зерно для помола', *сёян-юан* 'пища', *панан* 'основа ткани'. Основные моменты переходов видны на схеме:



Не претендуя на тщательность, выделим лишь основные процессы, которые происходят в настоящее время. Имеют место и многие периферийные явления, которые необходимо описать более тщательно. Вероятно, есть смысл пересмотреть положение о глагольных именах на *-ан* как продукте только субстантивации причастий (Бубрих 1949 : 127; Основы 153), так как налицо и процесс иного рода. Допускаем, что положения имеют значение также для удмуртских отглагольных существительных на *-оп*.

Мы считаем, что в последующих грамматических описаниях коми языка необходимо выделять собственно причастия и формально сходные с ними именно-атрибутивные сочетания, пересмотреть некоторые вопросы именного словообразования, связанные с эволюцией глагольных имен на *-ан*. Так, в действительности исходная основа субстантивов типа *оланін* 'жилище', *коланлун* 'необходимость' не причастная, а именная.

Можно отметить, что из примерно 300 употреблений форм на *-ан*, *-ана* в романе В. Юхнина «Аллой лента» (456 с.) 34% приходится на агентивную сему, 10% на пассивную и 56% на атрибутивные именные сочетания.

#### Сокращения

**ВВД** — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка (Историко-филологический сборник, вып. 10), Сыктывкар 1966; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесольский диалект коми языка, Москва 1975; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; **Дьяконов** — Н. Дьяконов, Пьеса, Сыктывкар 1980; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **Изьюров** — И. Изьюров, Том олоьмй том гажой, Сыктывкар 1962; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962; **КРФС** — И. И. Тарабукин. Краткий коми-русский фразеологический словарь, Сыктывкар 1959; **КШК** — Коми шусьбгъяс да



кывйöзъяс, Сыктывкар 1983; **Основы** — Основы финно-угорского языкознания (Марийский, пермские и угорские языки), Москва 1976; **ПД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **Рочев** — Е. Рочев, Лёз тундра, Сыктывкар 1980; **СКЯ** — Современный коми язык I. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесыольский диалект коми языка, Москва 1980; **Юхнин I** — В. Юхнин, Алёй лента, Сыктывкар 1981; **Юхнин II** — В. Юхнин, Диньёльса вёрпункт, Сыктывкар 1983; **Юшков** — Г. Юшков, Куим теш, Сыктывкар 1970.

## ЛИТЕРАТУРА

- Аристэ П. 1953, Примечания. — Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Москва, 290—306.
- Бубрих Д. В. 1948, Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР. — Советское финноугроведение I, Ленинград (Ученые записки ЛГУ, Серия востоковедческих наук, вып. 2), 47—80.
- 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
- Гнатюк Г. М. 1982, Взаимодействие глагольных и именных категорий в системе причастия. Автореф. докт. дисс., Киев.
- Емельянов А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Кузнецова З. И. 1967, Язык письменных коми памятников XVIII в. Канд. дисс., Йошкар-Ола.
- Лайонз Дж. 1978, Введение в теоретическую лингвистику, Москва.
- Лудыкова В. М. 1984, Сказуемое с *m*-овым инфинитивом в коми языке. — СФУ XX, 173—177.
- Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык, Москва.
- Ляшев В. А. 1975, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар.
- Принципы и методы семантических исследований, Москва 1976.
- Серебренников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- 1982, О некоторых проблемах истории финно-угорских языков. СФУ XVIII, 81—89.
- Федюнева Г. В. 1981, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. Канд. дисс., Сыктывкар.
- Фролова Т. Н. 1950, Именные категории верхне-вымских говоров северного диалекта коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар.
- Beke, Ö. 1953, Zur Geschichte einiger permischen Nominalbildungssuffixe. — ALHung. II, 317—353.
- 1954, Neuere finnisch-ugrische morphologische Untersuchungen. — ALHung. IV, 95—131.
- Collinder, B. 1957, Survey of the Uralic Languages, Uppsala.
- Fokos-Fuchs, D. 1963, Aus dem Gebiete der finnisch-ugrischen Verbalnomina. — CIFU I, 73—92.
- Kövesi, M. 1965, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest.
- Laanest, A. 1982, Einführung in die ostseefinnischen Sprachen, Hamburg.
- Rätsep, H. 1954, Infiniitsed verbivormid soome-ugri keeltes, Tartu (Канд. дисс., рукоп.).
- Stipa, G. 1960, Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu CXXI).
- Tauli, V. 1966, Structural Tendencies in Uralic Languages, The Hague (UAS 17).
- Wiedemann, F. J. 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

JEVGENIJ CYPANOV (Tartu)

THE SEMANTIC STRUCTURE OF PARTICIPLES WITH THE  
SUFFIXES *-an*, *-ana* IN THE KOMI LANGUAGE

These participles can have two basic meanings: first, the active meaning, e.g. *baksan mes* 'mooing cow'; secondly, the passive meaning, e.g. *liddan nebeg* 'the book that is being read'. There are cases when the second component of the attributive construction is neither the logical subject nor the logical object, e.g. *viččisan kad* 'the time of waiting', *kurtan mašina* 'horse-rake'. Such combinations may denote either the place, time or instrument of the action, etc. The author of this paper supposes that third meaning is historically of later origin. The attribute appears to be a verbal noun with the suffix *-an* which has the meaning of a nomen actionis in the attributive function. Traditionally such cases have been treated in grammars as participles.